

Взять на себя прокаженные одежды міра и сразу сорвать, вмѣстѣ съ тѣломъ и съ кожей.

Съ такой мукой, чтобы солнце остановилось въ ужасѣ.

Какъ тогда, когда Онъ умеръ, солнце остановилось.

Сердце разорвется. Даже у него разорвалось.

Да, это тяжело.

И это—„христіанство“.

И очевидно, что такое принятіе міра въ свою совѣсть перевело человѣка въ высшую ступень бытія,—сдѣлало для него теперь возможнымъ даже такое страшное и необходимое для жизни жизнепониманіе.

Христось побѣдилъ человѣка, смерть, воскресъ.

И стоитъ, какъ Божественная помощь около желающихъ воскреснуть.

Около желающихъ не маленькой и ненужной религіи, маленькой чистоты маленькихъ дуновеній душъ и совѣсти.

И вегетаріанской любви къ ближнему.

А самсоновскаго чуда: поднять ворота Газы и унести на гору.

Только на этой ступени (или полного сознательнаго движенія къ этому христіанству) христіанство становится живой вѣрой, способной измѣнить міръ. Творческимъ новымъ словомъ.

Правила жизни, данныя только въ буквѣ Евангелія, даже при томъ условіи, что они приняты волей такъ страстно, какъ, напр., у Франциска Ассизскаго, не будутъ въ силахъ претворить жизнь.

А правила о смиреніи, трудѣ, непротивленіи, которые по какому то недоразумѣнію считаются специфически христіанскими—даже не просто дохристіанственны и не полухристіанственны, а противохристіанственны.

Ученіе отцовъ церкви объ отношеніи Бога къ человѣку.

Въ настоящее время много такихъ людей, которые отвергаютъ бытіе Божіе. Откуда Богъ, покажите мнѣ его? И если только

есть Богъ, то спрашивается, почему ненавидитъ онъ свое твореніе—человѣка, наказываетъ его за преступленіе? Разберемся въ этихъ вопросахъ. Показать Бога, конечно, нельзя, ибо сказано: Бога никто не видѣлъ. Если Бога показывать, то пусть спрашивающіе такъ покажутъ свой разумъ. Они сдѣлать это не въ состояніи и тоже скажутъ, что это сверхъестественно. Но что можно сказать о бытіи Божіемъ? Припоминается случай изъ жизни просвѣщеннѣйшаго мужа Блаженнаго Августина, который пожелалъ написать книгу о Богѣ. Написалъ онъ заголовокъ „о Богѣ“ и началъ придумывать, съ чего бы начать. Такъ раздумывая, Блаженный Августинъ ходилъ съ заголовкомъ о Богѣ по берегу моря и увидѣлъ мальчика, который сидѣлъ на берегу моря и, повидимому, что-то работалъ. Когда подошелъ Блажен. Августинъ къ мальчику, то увидѣлъ, что онъ, вырывъ на берегу моря маленькую ямочку, небольшимъ сосудомъ черпалъ изъ моря воду и выливалъ въ эту ямочку. Святой отецъ спрашиваетъ его: „Что ты дѣлаешь, малютка“? „Да вотъ хочу перелить это море въ эту ямочку“. „Глупое дитя“,—подумалъ Блаженный Августинъ и пошелъ дальше. Проходивъ немало времени, онъ взглянулъ на свой заголовокъ, вспомнилъ дитя, которое хотѣло перелить необъятное море въ маленькую ямочку, и воскликнулъ: „О, безумный я! я хуже того дитяти“. И вспомнилъ слова Спасителя, Который говоритъ: блаженіе не видѣвшіе и увѣровавшіе (Іоан. гл. 20 ст. 29). И Апостоль Павелъ говоритъ: „ибо невидимое, вѣчная сила и Божество, чрезъ разсматриваніе твореній видимы“ (Римлян. гл. I-я ст. 20).

Но вотъ самъ „царь вселенной“ отрицаетъ бытіе Божіе. А вѣдь сказано, что сотворенъ онъ по образу Божію и, значитъ, надѣленъ драгоцѣннымъ даромъ разума и свободы и высокимъ назначеніемъ служить на границѣ духовнаго и чувственнаго міра, дабы отражалась въ немъ сила Божія. Удержать всѣ эти преимущества, которыя приближали бы человѣка къ Богу и дѣлали его счастливѣйшимъ по духу и по тѣлу, чуждымъ всякаго грѣха, болѣзни и смерти, и достигнуть цѣли своего назначенія онъ могъ только благодаря тѣсному союзу съ Богомъ, источникомъ всякой жизни и блаженства. Если бы этотъ союзъ между Богомъ и человѣкомъ никогда не прерывался, человѣкъ, оставаясь всегда

блаженнымъ по тѣлу и по духу, достигъ бы цѣли своего бытія, и исторія рода человѣческаго была бы иная, нежели какая теперь; но наши прародители прервали живое общеніе съ Богомъ, потому что не исполнили данную заповѣдь, вслѣдствіе чего и навлекли на себя неисчетныя бѣдствія, которыя отразились какъ на нихъ самихъ, такъ и на ихъ потомкахъ. Это было дерзко—возстать чело-вѣку противъ своего Творца; безумное желаніе—„быть яко бози“. Нарушеніемъ первой райской заповѣди о невкушеніи отъ пло-довъ добра и зла, первые люди преступили весь нравственный законъ, не послушавъ заповѣди Господа, а послушавъ голоса дьявола,—величайшая неблагодарность къ Богу за всѣ его благо-дѣянія. Разорвавъ, такимъ образомъ, свой союзъ съ Богомъ, утра-тивъ счастье и удалившись чрезъ грѣхи отъ тѣснаго союза съ Богомъ, чело-вѣкъ впалъ въ несчастіе и подвергся вѣчной смерти.

Но могъ ли Всемогуцій Творецъ допустить, чтобы лучшее его твореніе на землѣ, созданное по образу и подобію Божію, погибло вслѣдствіе этого грѣха, какъ произведеніе злой воли чело-вѣка, и тѣмъ разстроило Его планъ? Нѣтъ, въ мірѣ не могло существовать такого препятствія, которое было бы въ состояніи разстроить Его божественные планы. Что же касается премуд-рости Божіей, то она поистинѣ неисповѣдима, ибо она изначала знала, что падетъ чело-вѣкъ, и знала средство нужное для его спасенія. Средство это—Сынъ Божій, отъ вѣка добровольно взявшій на себя грѣхъ перваго чело-вѣка и всего міра, чтобы въ Своемъ лицѣ понести всѣ тяжести грѣха, какъ то: гнѣвъ Божій на грѣшника, бѣдствія земной жизни и самую смерть. Такимъ образомъ преступленіе будетъ наказано, но самъ пре-ступный чело-вѣкъ избѣжитъ того наказанія, которое заслужилъ, войдетъ оцять въ общеніе съ Богомъ и достигнетъ своего перво-начальнаго блаженства и назначенія, ибо только такимъ путемъ, а не другимъ, было можно возвратить чело-вѣка къ Богу. Но почему же этотъ путь былъ необходимъ? Почему потребовалась такая великая, непостижимая для нашего ума жертва, чтобы добровольно пострадать Сыну Божію? Во-первыхъ потому, что грѣхъ нашихъ прародителей былъ великъ: онъ былъ оскорбленіемъ Всемогущаго Бога и только лицо, равносильное Ему, могло представить надлежащее удовлетвореніе; во-вторыхъ

потому, что самъ человѣкъ неспособенъ былъ, не только на первыхъ порахъ, но и впоследствии, попросить у Него прощенія и загладить свою вину раскаяніемъ. Свойство грѣха первыхъ людей, или природа его, ослабила и извратила всѣ духовныя силы человѣка до такой степени, что сдѣлала его неспособнымъ къ заглаженію своей вины путемъ раскаянія; только Богочеловѣкъ, чуждый всякаго грѣха, воплотившійся Сынъ Божій, могъ принести за грѣшное человѣчество искупленіе и жертву удовлетворенія предъ Богомъ; наконецъ въ третьихъ—потому, что нравственный законъ, какъ выраженіе воли Божіей, какъ и всякій законъ, установленный Богомъ, нельзя никому нарушить безъ того, чтобъ не ощутить на себѣ послѣдствій этого нарушенія въ формѣ тѣхъ или другихъ наказаній, ибо законъ Божій—путь истины и живота; удаленіе отъ него или нарушеніе его есть удаленіе на ложный путь, во тьму заблужденій и къ смерти; человѣкъ же, нарушивъ его, не выполнилъ той заповѣди Божіей, которая ему назначена была въ раю. Черезъ это онъ подвергся всѣмъ бѣдствіямъ грѣха, который есть ничто иное, какъ беззаконіе; самое тяжкое изъ этихъ бѣдствій была смерть. И человѣкъ долженъ былъ умереть не только физически, но и духовно. Но Всемогущій Богъ, вслѣдствіе безграничной своей любви, не могъ допустить, чтобъ человѣкъ погибъ безвозвратно; Божественная мудрость отъ вѣка находитъ средство избавить человѣка отъ заслуженнаго имъ наказанія—смерти. Сынъ Божій взялъ на себя грѣхъ человѣка, какъ высказалъ Іоаннъ Предотеча: „Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи всего міра“, ибо только Онъ одинъ могъ удовлетворить правдѣ Божіей, будучи Самъ Богомъ, выполнить за согрѣшившаго человѣка всѣ обязанности раскаянія и взять на Себя всю тяжесть грѣха Адамова съ тѣмъ, чтобы подвергнувшись его силѣ, испытавши униженіе, мученіе и самую смерть, воскреснуть по Своему Божеству изъ мертвыхъ и быть началомъ нашего всеобщаго воскресенія.

Но не могъ ли милосердный Богъ простить грѣхъ людей, не требуя за него никакого удовлетворенія и не подвергая ихъ никакому наказанію?—Не могъ, но не по недостатку Своего всемогущества, а по нравственной невозможности; потому, что Онъ былъ бы тогда виновникомъ зла,—что немыслимо! Если бы Богъ

склонять свою волю въ ту и другую сторону“. (Блаж. Иеронимъ ч. 1-я стр. 98).

Итакъ, грѣхъ человѣка долженъ былъ быть наказанъ. Мы уже видѣли, что божественная любовь и премудрость нашла средство спасти человѣка, причемъ грѣхъ его былъ наказанъ, хотя не въ насъ, а въ другомъ лицѣ, въ томъ, которое, будучи движимо всесовершенной любовью, поставило себя предъ лицомъ Божіей Правды, вмѣсто грѣшнаго человѣчества.

И это дивное средство, чтобъ поднять падшаго человѣка, Богъ предвидѣлъ прежде творенія его: оно было отъ вѣка предусматрѣно имъ. Эта истина ясно выражается въ Св. Писаніи еще Вѣтхаго Завѣта; такъ, во пс. 39 пророкъ Давидъ представляетъ Сына Божія, который говоритъ Отцу: „жертву и приношеніе не восхотѣлъ еси тѣло же свершилъ ми еси; всесожженія и о грѣсѣхъ неблаговолилъ еси. Тогда рѣхъ се иду, въ главизнѣхъ книжнѣхъ пишеть о мнѣ, еже сотворити волю твою, Боже“. (Пс. 39, 7—9; и у апостола Павла Евр. 10 гл., 5—7). Уже изъ этихъ словъ можно видѣть, что мысль о спасеніи рода человѣческаго чрезъ вочеловѣченіе Сына Божія и совершеніе воли Божіей, была у Бога раньше совершенія нашего спасенія. Въ Новомъ Завѣтѣ ап. Павелъ ясно показываетъ, что Богъ отъ вѣчности опредѣлилъ насъ ко спасенію.

Говоря о нашемъ искупленіи отъ грѣха, апостоль свидѣтельствуеть— „глаголемъ премудрость Божію, въ тайнѣхъ сокровенную, юже предустави Богъ прежде вѣкѣхъ во славу нашу“ (Коринт. 2 гл., 7 ст.). Поэтому и евангелистъ Іоаннъ называетъ Ісуса Христа „заколеннымъ отъ сложенія міра“ (откров. Іоанна Богосл. 13 гл. 8 ст.). То же самое говоритъ и апостоль Петръ, называя Ісуса Христа непорочнымъ агнцемъ, предназначеннымъ прежде созданія міра для нашего спасенія (1 Петр. гл. 19—20 ст.).

Но обратимся къ провидѣнію Всемогущаго Творца, который имѣлъ мысль о спасеніи рода человѣческаго отъ дней вѣчности. Нѣкоторые предлагаютъ еще такой вопросъ: почему же люди должны были томиться подъ рабствомъ грѣха, болѣзней, изнурительныхъ трудовъ и разныхъ бѣдствій и послѣ смерти быть во адѣ 5500 лѣтъ, прежде чѣмъ явился на землю Спаситель міра, въ лицѣ Сына Божія. Зная, что Господь Богъ есть всемогущій

и всевѣдущій и вмѣстѣ съ тѣмъ Святая Любовь, мы смѣло должны отвѣтить на этотъ вопросъ такъ: позднее явленіе на землю Сына Божія находилось въ зависимости не отъ Бога, Который всегда былъ готовъ простить и спасти человѣка отъ грѣха и отъ грѣховнаго состоянія, но человѣкъ не хотѣлъ признать всю тяжесть своего грѣхопаденія. И поэтому спасеніе и возвращеніе къ Богу — нескоро могло свершиться въ человѣкѣ. Должны были пройти тысячелѣтія прежде чѣмъ вся сила грѣха вышла наружу и своею тяжестію заставила человѣка ожидать своего спасенія отъ Бога. Потому что всѣ языческіе философы пришли къ тому убѣжденію, т. е. оставили многобожіе и стали утвердительно проповѣдывать единого Бога, какъ говоритъ Лактанцій, и когда пришло время, Богъ ни одного мгновенія не заставилъ ждать своей помощи: „по исполненіи временъ“, какъ говоритъ апостоль Павелъ (Гал. 4 ст.), — онъ послалъ на землю для спасенія рода человѣческаго Своего Единороднаго Сына прежде всѣхъ вѣкъ рожденнаго и несотвореннаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но получилъ жизнь вѣчную. Господь Всемогущій призвалъ ко спасенію всѣхъ язычниковъ и іудеевъ, 1909 лѣтъ тому назадъ родившись отъ Приснодѣвы Маріи, Онъ пришелъ тогда, когда исполнилась полнота временъ и основалъ Свое Царство Благодати, чтобы всѣ соединились подъ главою — Христомъ (Ефес. 1 гл., 10 ст.), т. е. пришло Слово съ неба тогда, когда настало назначенное время для пришествія Спасителя, когда весь міръ приготовился принять Его. А чтобы язычники удобнѣе могли придти къ истинному Богу, онъ далъ имъ разныя средства: отъ одной крови произвелъ родъ человѣческой для обитанія по всему лицу земли; назначилъ опредѣленные времена, дабы всѣ искали Бога, не оцутятъ ли Его и не найдутъ ли (Дѣян. 17 гл. 26—7). Также и чрезъ видимую природу, — разсматривая ее, язычники могли постигать Его невидимыя свойства, Его вѣчную силу и Божество (Римлян. 1 гл. 19—20 ст.), а также и чрезъ совѣсть, какъ говоритъ апостоль Павелъ, ибо, когда язычники, „не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ. Они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Римл. 2 гл. 14—15 ст.).

„Господь, какъ мудрый воспитатель, попустилъ всѣмъ язычникамъ ходить своими путями“ (Дѣян. 14 гл., 17 ст.). Божественное провидѣніе, такимъ образомъ, предъ уготовляло весь до-христіанскій міръ къ Христу и вело его хотя и медленно, но вѣрно къ общанному прародителямъ человѣческаго рода спасенію.

И. А. Лукинъ.

Конгрессъ эсперантистовъ-католиковъ.

(30 марта—3 апрѣля).

(Окончаніе)*).

Вечеромъ я выбылъ изъ Берлина, чтобы продолжать свой путь къ Парижу. Пасха продолжалась еще сегодня (два дня празднуютъ), и потому ѣдущихъ было очень мало. Утромъ я вышелъ въ Кельнѣ н/Р. и остался тамъ до вечера. Городъ очень интересный и довольно обширный. Первымъ долгомъ рѣшилъ отправиться отыскать делегата Универсальной Ассоціи чтобы использовать его услуги при ознакомленіи съ городомъ, но такъ какъ вокзалъ лежитъ около самага главнаго собора который они называютъ „Dom“, то я, пока еще было рано, визитировалъ этотъ соборъ. Зданіе несомнѣнно архитектуры красивой. Построено замѣчательно. Живопись по стеклу (на окнахъ) также роскошна, но въ церкви страшная пустота. Такъ и чувствуется, что съ внаружи-то тѣло какъ тѣло, а внутренностей-то нѣтъ, черви изъѣли. Шла ранняя служба. Службу здѣсь служатъ обычно чутли не во всѣхъ закоулкахъ храма особо. Вамъ нравится здѣсь, вы слушаете литургію здѣсь, желаете тамъ, идите туда. Очевидно священниковъ довольно, а алтарей также сколько хочешь. Но народу немного. Входящіе обычно окунаютъ руку въ воду, подскакиваютъ на одно колѣно (они именно подскакиваютъ, такъ какъ только дѣлаютъ видъ что они колѣнопреклоняются), и мазнувъ себя пятерней по груди, бѣгутъ дальше. Подбѣгутъ къ скамеечкамъ. Станутъ на колѣни на болѣе низкую лавочку (какъ бы

*) См. жур. „Старообрядческая Мысль“ № 5, май 1910 г.